



Матвей
ГАНАПОЛЬСКИЙ:

"Я сниму свою кепочку, когда волк догонит зайца"

На интервью «ВК» Матвей Ганапольский согласился сразу. И даже обещал сам прийти в редакцию. Когда он вышел из лифта с дамой (оказалась жена Ирина), я его не узнала. Он оказался выше, тоньше и красивее. Я не удержалась от комплимента, и разговор пошел.

— Бомонд с французского — высший свет. Вы всерьез полагаете, что у нас есть бомонд?

— Конечно. Каждую неделю вы его видите. И не стоит, по-моему, высокомерно относиться к нашему истеблишменту. Он существует, и мы должны это признать.

— Бомонд узнаваем. Может ли стать гостем вашей передачи, например, Анпилов? Личность он достаточно популярная, а сегодня уже печально и скандально популярная?

— Нет. И не потому, что Анпилов принадлежит к оппозиции. В моей передаче не так давно был Николай Павлов, еще раньше был Сергей Бабурин. Оба — лидеры оппозиции. Но бомонд предполагает определенный уровень культуры тех людей, которых мы называем «звездами». Анпилов же в своих действиях и высказываниях преступил некую грань, и эта грань отделила его не от бомонда, который приходит ко мне на передачу, а от бомонда вообще. Я не виновен в этом.

— Мы заговорили об оппозиции. Мне кажется, что люди, ее представляющие, достаточно недоверчиво, если не враждебно, относятся к журналистам вообще. Соглашаясь на интервью, они умудряются — например, Бабурин в передаче «Без ретуши» — ничего не сказать.

— Я хочу подчеркнуть, что мои беседы не носят партикулярный характер. Мне интересен человек как таковой, человек, представляющий какую-то группу наших сограждан. Если говорить упрощенно, моя задача — рассказать о нем, но не от Адама, а в нынешний момент. Почему Иванов становится представителем той или иной группы, группировки? Значит, в нем что-то есть, и важно не быть предвзятым. Почему-то среди части журналистов установилось мнение, что демократы честны, искренни, порядочны, а вот оппозиционеры — хитры, изворотливы, лживы. В жизни все сложнее.

— Матвей, ваша передача даже в своем названии несколько эпатирует общественный вкус и на многих действует раздражающе.

— Я думаю, смешно утверждать, что «Бомонд» — передача для всех. Для всех — это только «Новости». Но я бы не сказал, что

моя программа для избранных... тем более что я стараюсь делать ее достаточно простой и по возможности интересной.

— Замечательный клоун Андрей Николаев в интервью нашей газете высказал интересную мысль: он разделил всех людей на белых и рыжих клоунов. Белые — это те, кто командует, изрекает, учит, а рыжие — это все мы. Делаем вид, что слушаемся и слушаем, но живем по-своему. Если перенести это деление на телеведущих, то Борис Калягин — это белый, а вот Политковский — хочет быть рыжим. Вы же типичный рыжий клоун: манера держаться, кепочка — все оттуда. Но ведь рыжему позволено и прощается многое, например, насмешка и даже бестактность.

— По поводу рыжих и белых скажу, что гениям легко, а Андрей Николаев — гений и, как всякий гений, попадает пальцем не в небо, а в точку. Вы употребили слово бестактность, а подробное, как вы понимаете, выходит за рамки норм взаимоотношений на экране. беру на себя смелость утверждать, что ни один из тех людей, кто приходил ко мне, не был обижен или оскорблен. И эти люди всегда выражали понимание специфики передачи, допускающей легкость общения, шутку, но не бестактность. Потому назовем то, что вы подметили, приемом. Гость — он бог, и он верит мне. Может быть, я и рыжий, но здесь, как в шахматах, где начинают белые, первый ход делаю я, и я всегда стараюсь, чтобы от моего вопроса человек не покрывался пятнами. Жур-

лям было весело и интересно, чтобы великосветская беседа в кавычках, а можно и без кавычек, нравилась им. Пусть поработают артисты — поют, поиграют, пусть поработают и я, как и в той, и в другой передаче должна сохраниться суть: «Здесь, сейчас, на ваших глазах». Ну а принимать гостя в майке просто неприлично. И я хочу, чтобы вы поняли — «Бомонд» не передача. Это идея, и эта идея развивается. У всякой передачи есть порог усталости, и его хочется отодвинуть подальше, что-то менять, придумывать. Вот обойду круг звезд, а дальше придумаю что-нибудь еще.

— Реклама сигарет через «Бомонд» — это что, способ зарабатывания денег на искусство?

— АТВ предложило такую рекламу, я согласился. Потом посмотрел и сделал вывод.

— Вы себе понравились?

— Напишите так: Ганапольский злорадно усмехнулся и сказал: «Мне доставляло удовольствие, когда среди дня моя теща, услышав музыкальную шапку «Бомонда», кричала: «Ну сколько раз можно повторять твою передачу». А вечером, когда началась передача, она принимала ее за рекламу и не смотрела. Так я обманывал свою тещу».

— А как складываются ваши отношения с АТВ?

— Работа на «Эхо Москвы» приучила меня к отсутствию цензуры. А на АТВ я чувствую себя комфортно — сам делаю передачу, сам несу ответственность, мне там помогают и меня там понимают.

— Вы называете себя журналистом «Эха Москвы». Сколько лет вы там работаете?

— С литовских событий. Знаете, любовь бывает один раз. Так случилось, что однажды собрались различные люди, — я говорю не о себе, я пришел позднее — и на пустом месте создали радиостанцию, которая существует, как сообщество свободных людей. И я уверен, что когда-нибудь историки журналистики будут изучать опыт этой радиостанции.

— Нынче едва ли не самый популярный и у зрителей, и у журналистов жанр — интервью: «Без ретуши», «Момент истины», «Телевизионное знакомство» и т. д. Вы смотрите передачи своих коллег?

— Я не завистлив и многие передачи смотрю с удовольствием. Каждый делает свое. Караулов с внушающей уважением регулярностью ведет политические беседы, Урмас Отт первым пробил на телевидении неофициальные беседы и... с королей начали спадать одежды, Леонид Парфенов исследует тему «Человек и его время», привлекая значительное количество материала и используя чисто художественные приемы. А как не назвать Эльдара Рязанова! Этот мэтр утвердил, а точнее, сотворил жанр неформального разговора.

— И это-то очень не нравится многим из властей предрезающих. Кстати, в интервью «МН» председатель «Останкино» Брагин очень пренебрежительно отозвался о «Бомонде». Это отразилось как-то на судьбе передачи?

— Думаю, что начальству нынче не до «Бомонда». Я читал эту фразу Брагина и не понял, что он хотел сказать. Но... меня совершенно не заботит, что думает о моей передаче телевизионное начальство. Я уважительно отношусь к Брагину, я законопослушен, но если законы хорошие. Я часто повторяю фразу: «Не только мы должны соответствовать нашей — далее двоеточие — газете, телевидению, радио, но и эти средства массовой информации должны соответствовать нам». Если условия для работы будут некомфортальными, то я уйду.

— «Уйду» связано с крахом, концом чего-то. Вы не боитесь будущего?

— Я однажды беседовал с профессором Яновым из США, известным экономистом. Он мне сказал, что с XIV века Россия пережила 13 реформ и ни одна из них не удалась. Но будем надеяться. И вообще давайте ставить во главу угла не политические ситуации, а свои эгоистические интересы. Пока можно, будем работать, не дадут — займемся другим, не дадут жить — уедем. Думать о себе — признак здоровья общества.

И вообще всем начальникам надо помнить: не мы зависим от них, а они зависят от нас. Важно не то, что творится наверху, а то, что делаем мы. И программа «Бомонд», она об этом. О том, что есть артисты, которые популярнее политиков, и политики, которым еще надо завоевать популярность и уважение своих сограждан.

— И последний вопрос. Вы относите себя к бомонду, заметьте, без кавычек.

— Ну, конечно. Я же ведущий «Бомонда». Но кавычки поставьте.

Беседу вела
Елена СЛОБОДНИКОВА.
Фото Александра МАРШАНИ.